

Евгений Валерьевич Гришковец

Рубашка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121152

Рубашка: Махаон; Москва; 2009

ISBN 978-5-18-001173-2

Аннотация

«Рубашка» – городской роман. Очень московский, но при этом примиряющий Москву с регионами. Потому что герой – человек провинциальный, какое-то время назад приехавший в Москву. Это короткий, динамичный роман о любви. Один день из жизни героя. Ему от 30 до 40 лет. Есть работа, есть друзья, есть сложившаяся жизнь и... Любовь, которая сильно все меняет.

Содержание

1	6
2	9
3	29
4	32
5	42
6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Евгений Валерьевич Гришковец Рубашка

Посвящается Л...

*Спасибо Алексу Дубасу, Александру Мамуту и
Максу Какосову за разговоры, вошедшие в книгу, и
бармену Володе из Калининграда за пару историй,
которые также оказались в романе.*

Е. Гришковец

Друзья!

Хороших Вам,
КНИГ!

Находите время для
чтения...

Тришников

1

Я проснулся утром и сразу подумал, что заболел. Не почувствовал, а именно подумал. Мысль была точно такой же, как когда просыпаешься в первый день каникул, которых ты так ждал... Вот просыпаешься и думаешь: «А почему мне не весело, почему я не рад, где счастье, которого я так ждал?... Наверное, я заболел!..»

Я проснулся, как будто меня включили. Я не вздрогнул, не потянулся, не издал никакого звука, я просто открыл глаза. Точнее один глаз, другой был прижат к подушке. Ещё я стал слышать. И я увидел и услышал...

Увидел край подушки, ткань наволочки, близко-близко к открытому глазу. Подушка была едва освещена синеватым светом. Было рано, и была зима. Вообще-то было ещё совсем темно, но в окно падал обычный городской синеватый утренний свет – смесь света белых уличных фонарей и уже зажжённых жёлтых окон дома напротив и... моего дома. Почему-то эта смесь всегда синеватая; вечером она приятная, а утром... невыносимая.

Я услышал много звуков. Это звучал город. Огромный город. Я слышал, конечно, не весь город, и это были не звуки какого-то «городского пульса» или что-то в этом роде. И это были звуки даже не просыпающегося города, город давно уже проснулся... Я слышал, как люди, живущие в моём до-

ме, покидают его... Они шли на работу или влекли куда-то своих детей: звуки шагов по лестницам, гудение лифта, поминутно повторяющийся стон и стук входной двери подъезда. Я слышал, как с задержкой и как бы безнадежно махнув рукой на всё, заводились во дворе автомобили. А фоном всему этому, там... чуть дальше... там, звучал проспект.

Я проснулся. Я не почувствовал тела, нет. Проснулась голова. Я ощутил только голову. И в этой голове был я. У меня открылся один глаз, я стал слышать, и я не был этому рад.....

Мне так захотелось снова вернуться в сон. Не в том смысле, что я видел какой-то чудесный сон, а в том смысле, что уснуть. Так захотелось смалодушничать и позвонить всем-всем, сказать, что я заболел, наврать, и всё-всё отменить. Отменить ВСЁ, а главное не вставать, не зажигать яркий свет, не умываться и не бриться, не надевать носки... и всё остальное, не выходить из квартиры, позвякивая ключами, не гасить перед уходом свет в прихожей, не давить на кнопку с цифрой «1» в лифте, не выходить на улицу, не делать первый утренний холодный вдох, не садиться в твёрдую, холодную машину... и не ехать в аэропорт, чтобы встретить Макса. Макса, который подлетал сейчас к городу и был неотвратим. Но Макса, моего друга Макса, отменить было невозможно. И значит, нужно было делать это ВСЁ!

А Макс был сейчас совершенно некстати. Так некстати, как может быть только старинный друг, который живёт да-

леко-далеко, которого искренне ждешь, а он приезжает или прилетает... как всегда некстати. И пару дней... вынь да положь – отдай ему. В смысле: отмени все дела, какие бы они там ни были, и приготовься много говорить, смеяться, пить, есть, и ещё пить... и говорить. Спать, конечно, пару суток не получится... Но это всё очень хорошо... просто некстати. Совершенно! И особенно в этот раз... Потому что я влюбился. Сильно! Очень-очень сильно. Так, как этого со мной не было. Никогда!

Так что Максим был НЕКСТАТИ!!!

2

Я ехал в аэропорт долго. Снега было много. Не свежего, а такого, раскисшего, грязного снега. Машин было тоже много. Я медленно двигался по окружной дороге. Впереди то гасли, то зажигались красные огоньки: я тоже давил на тормоз. Постоянно казалось, что в полосе слева движение гораздо быстрее. Справа ползли грузовики, все грязные от слякотных брызг. Я слушал радио.

По радио динамично менялись музыка и новости. Сообщили о какой-то авиакатастрофе, я сделал громче. Погибли все пассажиры и члены экипажа. О причинах трагедии говорить было рано. Не исключали версии террористического акта. Я сразу подумал о Максе. Только вот пропустил информацию о месте крушения самолёта. Ага – Пакистан... Разочарование слегка коснулось меня. Я тут же выругал себя за это. Но выругал так... не искренне, без огонька, не талантливо.

Если бы это был самолёт Макса... Это было бы ужасно... Чёрт возьми – это было бы ужасно. Но... Какое «но»... Ужасно!!!

Но у меня был бы такой настоящий повод быть несчастным. А я был бы по-честному несчастным, если бы это был самолёт Макса. Зато я смог бы отлично пить неделю, исчезать куда-то или пить при всех... И все бы сочувствовали. А

главное, я смог бы позвонить Ей, прямо сейчас! И сказать, что в той авиакатастрофе, про которую она, конечно, уже слышала, про которую сейчас говорят все, погиб мой старинный лучший, да и, если быть до конца честным, единственный друг. Он погиб, а я не знаю, что мне делать, и поэтому мне необходимо Её немедленно увидеть. Но Макс не погиб. Он подлетал к городу. Он опять меня подвёл.

Макс подводил меня почти всегда. Он не поехал со мной в Москву... Тогда, когда надо было ехать. Он остался. И он, чёрт возьми, не спился там. Не опустился... а наоборот процветал. Занимался самыми разными делами, и всегда небезуспешно. Он ужасно меня огорчал тем, что когда я мыкался и мучился первое время в столице, и мне было нужно только одно – информация из Родного города о том, что там всё очень плохо, все спились, опустились... после моего отъезда жизнь остановилась, и все страшно скучают, а главное, всех преследует жуткая нищета... Нет! Максим радостно звонил мне и сообщал о своих новых успехах, рассказывал о том, как чудесно живут все знакомые и не знакомые мне люди, какой отличный ресторан открылся недалеко от того дома, где я жил, и что этой осенью какое-то нечеловеческое количество грибов в лесу. Он частенько прилетал в Москву. Привозил обычные домашние гостинцы. Сорил деньгами, веселился, а на третий-четвёртый день начинал поговаривать о том, как он хочет домой. И улетал домой. Я ненавидел его.

Максим женился лет пять назад. Я не поехал к нему на

свадьбу. Я вообще старался не возвращаться в родные места. А тут свадьба, причём свадьба Макса, то есть свадьба по полной программе. Я не поехал. Максим обиделся. По-настоящему обиделся. Его жену я ни разу не видел. Только на фотографиях. Он о ней говорил мало, часто ей звонил. Как-то так удалялся куда-нибудь в уголок и звонил жене. Подружек и девок после женитьбы Макс не забыл... Но именно после его женитьбы мы придумали, точнее Макс придумал, игру в Хемингуэев. Всю идеологию и терминологию придумал я. Я разработал и стиль и стратегию этой игры. Но сам принцип, саму игровую суть... придумал Макс. Я играл в сто раз лучше его, он часто отвлекался, раскалывался, не доводил игру до конца или пытался выйти из игры. Я удерживал его, всячески его поправлял... Я играл отлично, но придумал игру он... После того, как женился.

За пять минут до выхода из дома... перед тем как ехать в аэропорт, я секунды четыре думал, что надеть – свитер или рубашку. Свитер был практичнее и теплее. Но вдруг сегодня удастся встретиться с Ней. Вдруг... найдётся повод Ей позвонить... И найдутся слова, и что-то получится... Тут нужно быть в рубашке. Обязательно! Костюм и галстук – ни в коем случае. Будет нарочито и как-то принуждённо. Джинсы, твидовый пиджак и хорошая рубашка. Очень хорошая. Моя любимая! Белая. Обычная белая рубашка. Но любимая. Я надел её... и отправился встречать Макса.

Я вышел во двор, подошёл к машине, открыл её. Было ещё

темно, но во дворе уже осталось немного автомобилей, в основном все разъехались. Я сел в машину, завёл двигатель, и как только я это сделал, зажглись фары автомобиля, который стоял у соседнего подъезда. Я оглянулся на свет; два ярких огня ослепляли меня, так что я не смог рассмотреть ни марки машины, ни человека или людей в ней. Я погрел двигатель минуту и поехал. Фары двинулись за мной, я повернул из двора на улицу; фары светили мне в затылок и в мои зеркала заднего вида. На улице было много машин и фар, но некоторое время я ощущал на себе свет именно тех фар. На проспекте я забыл об этом. Но что-то во мне царапнуло тот самый орган, который отвечает за тревогу...

Рубашка – обязательный элемент одежды для игры в Хемингуэв. Для того чтобы правильно играть в эту игру, нужно очень правильно одеться. В одежде должна отсутствовать заметная продуманность. Всё должно быть как бы небрежным, и в то же время... классным. Одежду нужно выбрать как бы вневременную. Этой одеждой нужно размывать признаки возраста, а стало быть, поколения. Эта одежда кого угодно должна поставить в тупик по поводу образования, занятий, доходов и социального статуса... того, кто решится играть... в эту странную игру. То есть эта одежда должна сообщить игроку некоторую нездешность, таинственность и намёк на какой-то серьёзный, неведомый жизненный опыт. Белая рубашка – это самое лучшее, что можно выбрать. Конечно, никакого галстука! Ещё неплохо надеть помятый, но

хороший и актуальный пиджак. По поводу брюк ничего сказать не могу. Вариантов довольно много. Но вот обувь... должна быть первоклассная. Ботинки классические, этакие английские, потёртые, но ухоженные, правда, без фанатизма. То есть обувь должна быть такой, чтобы можно было сказать: «За этим что-то стоит, не правда ли?!» У Макса со всем этим всегда были проблемы.

Да, и ещё: у игроков в Хемингуэв нет и не может быть другого имени кроме Эрнест... И во время игры при себе нельзя иметь никаких средств мобильной связи. Это разрушает образ...

В первый раз игра получилась у нас сама собой, но постепенно закрепились какие-то правила и выработались навыки, а точнее появилась техника... игры.

Одному играть можно, но не очень интересно, всё-таки нужен партнёр – зритель. Втроём не пробовал, но наверное это невозможно. Идеально играть вдвоём. Кстати, если вам недостаточно лет, не пытайтесь играть в Хемингуэв.

Итак, два Эрнеста идут играть. Для игры нужно выбрать какое-нибудь модное кафе или не очень шумный клуб. Неважно, в центре он или нет. Даже если вы заходите в заведение не в первый раз, вы должны быть там как бы впервые. Нужно слегка осмотреться, задать пару вопросов бармену или официантам, мол, что тут и как, надо быть слегка неловкими, но милыми и улыбчивыми. Ни в коем случае нельзя скользить по лицам и фигурам тем самым харак-

терным блуждающе-ищущим взглядом... Понятно, о каком взгляде идёт речь. Глаза Эрнеста должны быть слегка незрячими, глаза должны быть такими, чтобы в поле их зрения хотели попасть... все женщины.

В свою очередь, необходимо игнорировать женские блуждающие и ищущие взгляды. Те дамы и барышни, которые пришли на откровенный съём, или профессионалки не годятся совершенно. Совсем юных барышень лучше тоже избегать, потому что они не смогут оценить... Ничего не смогут они оценить. Заметно выпившие женщины?... Не рекомендовал бы. Но волноваться не надо, найти тех, кто нужен, можно всегда и везде.

Вас не должно останавливать количество женщин, она может быть одна или их может быть пять. Это неважно. Единственно, с ними не должно быть мужчин. Очень хороши для двух Эрнестов дамы, которые решили небольшой женской компанией после работы немного посидеть и выпить. Идеальны подруги, которые вырвались от детей, а мужья у них состоятельные, но весьма занятые люди, близкого к Эрнестам возраста. Но самый желаемый объект – это элегантная женщина, которая сидит за столиком одна, например после ссоры со своим мужчиной, или просто в ситуации какой-то неприятности.

Знакомство происходит само собой. Но до знакомства нужно привлечь к себе внимание. Например, заказать какую-то очень непростую выпивку, которой официант не зна-

ет, и получить отказ. Тогда пригласить кого-то из руководства заведения, и быть при этом не капризным, не конфликтным, а наоборот, любезным и участливым. Потом пойти к барной стойке и обучить бармена приготовлению той самой смеси, которую вы хотели. Хорошо бы при этом бармена и человека из руководства этого заведения как-то рассмешить, а самому остаться с грустными глазами. Напарник должен при этом просто наблюдать за происходящим внимательно и с улыбкой. Напарник обязан нежно смотреть на напарника всегда, только тут важно не переборщить и не допустить двусмысленности.

И вот вы знакомитесь. Потом подсаживаетесь к женщинам или женщине... Через короткое время нужно всё взять в свои руки. Должен предупредить, что игра в Хемингуэв – дело не дешёвое. Нужно заказывать напитки... Нужно быть остроумными, милыми... Например, Эрнесты могут устроить искромётную, но дружескую пикировку друг с другом...

Но главное, нужно постоянно восхищаться женщинами, с которыми вы познакомились. Это восхищение должно быть открытым и чистым, без напора и уклона в соблазнение. Но сладость в нём должна быть. Подлинная сладость! Нужно смотреть женщинам прямо в глаза и не отводить взгляда, нужно говорить смелые комплименты, искренне интересоваться всем-всем... И при этом быть не суетливым, слегка грустным, и как бы раненым... Раненым жизнью.

Нужно создать атмосферу безопасности, надёжности и

подлинной правды!!! Если вдруг возникнет желание и соблазн... С этим нужно бороться... не скрывая борьбы. То есть весь вечер или часть ночи должны пройти по такой тонкой грани, чтобы никто даже и не подумал предложить обменяться телефонами. (С этим у Макса хуже всего.) То есть, чем лучше всё складывается, тем яснее должно становиться, что больше мы никогда не увидимся. Никогда! Но лёгкий-лёгкий звук надежды должен висеть в воздухе. И в тот самый момент, когда эта тонкая грань может быть нарушена... нужно проститься! Ни в коем случае нельзя самому доставить женщин или женщину домой. Так как станет известно, где она живёт. И тогда звук надежды станет фальшивым или неоправданно сильным. (Короче говоря, за Макса ручаться нельзя.)

Нужно вызвать такси или поймать его, усадить их или её, последний раз взглянуть очень близко в глаза... И остаться... Лучше всего, чтобы шёл ночной дождь или снег. Из уезжающей машины должны быть видны два неподвижных силуэта двух Эрнестов. Стоять нужно неподвижно, смотреть вслед. Долго!!!

Проститься прямо в заведении и уйти, или печально остаться сидеть за столиком, глядя ей (им) вслед... Пробовали, но это не очень хорошо. Ночь, снег или дождь, или дождь со снегом намного лучше.

А у тех, кто умчались в такси, должно остаться ощущение каких-то нереализованных возможностей и мысль: «Вот

ведь, оказывается, как бывает! Вот, оказывается, какие бывают... мужчины». Они должны ехать домой на заднем сидении такси и... улыбаться.

А два Эрнеста не должны сказать после всего этого «Ессс!», не должны пожать победно друг другу руки. А должны медленно и печально отправиться восвояси, думая: «Вот ведь какие бывают...».

Так получается не всегда. Так сыграть непросто. Но если получается, поверьте – очень приятно... Просто ё-моё, как приятно! И не стыдно!..

Я перестроился в правый ряд, чтобы свернуть с кольцевой в сторону аэропорта. Мелькнул знак со стрелкой и белым самолётиком на синем фоне. Знак указания направления на аэропорт. Сердце самопроизвольно радостно вздрогнуло, а потом так же самостоятельно упало на место. «Нет, нет, – сказал я ему, – мы никуда не улетаем»... Сердце обрадовалось этому белому самолётику и дороге на аэропорт, но ошиблось... Я никуда не улетаю... А надо было бы, и неважно куда. Жаль, что Она здесь, в Москве... Так бы я немедленно улетаю к Ней. Я прилетел бы к Ней из Москвы. Позвонил бы и сказал: «Я только что прилетел из Москвы. Я прилетел к Тебе»... А когда кто-то прилетает куда-то из Москвы, это почему-то вызывает уважение и понимание, что человек прилетел неспроста. А когда кто-то откуда-то прилетает в Москву – это... Ну, прилетел и прилетел, сколько таких прилетает каждый день.

Самолёт Макса, конечно, задержался. Ненадолго, но задержался. Разумеется, Макс не мог не задержаться. Я пошёл искать кофе.

Как же много людей утром в аэропорту! Удивительно, ведь это недёшево – летать самолётом, но так много людей летают. Как много всякого барахла продаётся в аэропортных киосках и магазинчиках. Причём продаётся намного дороже, чем в обычных местах. Но если продают, значит покупают. Покупают всё.

Я пил гадкий растворимый кофе из пластикового стаканчика, слушал гулкие объявления о прилётах, отлётах и так далее. И я при этом думал только одну мысль: «Как же сильно я Её люблю! Как же сильно!!!»

Я увидел Её в первый раз ещё летом. Собралась большая компания самых разных людей. Это был не пикник, а новоселье в загородном доме. Съехались какие-то родственники хозяина дома, масса его друзей, дети этих друзей и родственников. Все друг друга отлично знали, а я не знал никого, кроме хозяина дома и его жены. Я построил этот дом. Я архитектор. Ну, то есть, это так звучит – архитектор!!! На самом деле... Но об архитектуре чуть позже... Короче, я построил этот дом. Я этим занимаюсь.

Дом получился большой, с колоннами. Мне он не очень нравился, но родственники и друзья были в восторге. Все разбрелись по ещё необустроенной территории и по дому. Были на подходе шашлыки. И я уже собрался откланяться

и исчезнуть, потому что уже раздал свои визитные карточки тем друзьям хозяина, которые немедленно хотели заказать мне дом... такой же, но немного другой. Она была с мужчиной, который тоже взял у меня визитку. Этот мужчина был лет пятидесяти, высокий и очень загорелый. Симпатичный, но со слишком ухоженной бородкой непростой формы. Он в той компании знал всех, а она никого. Мужчина поминутно представлял её то одному, то другому. Я увидел Её, просто представился, сказал что-то. Она тоже. Я даже не запомнил её имени, не зафиксировал, какая у неё причёска, и так далее...

Я уехал оттуда ещё до шашлыков... Но на следующее утро я подумал о Ней, а потом днём подумал: «А что Она, интересно, сейчас делает?», а потом вечером: «А кто Ей этот мужик с дурацкой бородой, и как Ей с ним, ведь он же зануда, наверняка зануда». Я вспоминал о Ней всё лето и начало осени.

А потом, месяц назад, мы повстречались снова, и с тех пор я просыпался утром, если удавалось уснуть, и думал, что я заболел. И уже целый месяц я жил как бы один бесконечный день. День не заканчивался. Потому что я непрерывно думал одну и ту же мысль: «Как же сильно я Её люблю!!!»

Наконец-то Макс приземлился. Об этом сообщил громкий женский голос. И я пошёл в зал прилёта. Там уже стояли люди, некоторые с цветами, некоторые с табличками, остальные безо всего. На одной табличке было написано «Мах

Ludvigson». Я подумал, если Макс это увидит – тут же подойдёт и скажет, что это он и есть. Но господин Людвигсон подошёл раньше, чем мой Макс. Этот господин оказался высоким, носатым и в зелёном пальто. От него веяло сильнейшей нездешней скукой. Потом из дверей повалили женщины и мужчины в больших меховых шапках. Наш рейс, догадался я. Макс появился последним.

Он был весь расстёгнут, шапку и шарф нёс в руке. Расстёгнуты были пальто, пиджак и половина рубашки. Волосы торчали в разные стороны, лицо было несвежее, и на нём была дурацкая бородка и усики, которых раньше не было. Он засмеялся сразу, как только увидел меня. Засмеялся от радости. Боже мой, как бы я жил без Макса!

Мы обнялись крепко-крепко. Он смеялся. От него был сильный выхлоп перегара. Макс, конечно, пил во время полёта. Он боится летать.

Мы долго не могли найти машину. Я, хоть убей, не мог вспомнить, как и где я её парковал. Я, конечно, подъехал к аэропорту и где-то оставил машину, иначе как бы я оказался в самом аэропорту. Но я не помнил этого. Я слишком сильно влюбился... Мы ходили вдоль рядов автомобилей, Макс всё время отставал, застегивался на ходу и беспрерывно чего-то говорил...

Я снова встретил Её месяц назад... Была вечеринка по случаю открытия большого косметического салона. Его сделали мои приятели-коллеги. Я пошёл туда посмотреть на

очередной типичный салон с набором типичных модных элементов. Я хотел прийти убедиться, что ничего интересного не получилось, поздравить приятелей с успехом и позлословить на их счёт с другими коллегами. Потом, на таких мероприятиях всегда много красивых женщин, всем скучно, и значит много разных возможностей.

Я архитектор... То есть, я не государственный архитектор, который создаёт «застывшую музыку» и фиксирует эпоху... Я не влияю на изменение лица города... Я построил десяток загородных домов. За четыре из них мне совершенно не стыдно, а одним я просто горжусь. Как-то совпали мои взгляды и интересы с желанием заказчика... И получилось. Этот дом был во многих архитектурных журналах. Другие тоже были ничего, но компромиссные, а стало быть, неинтересные.

Зато я освоил и переделал много первых этажей разных зданий. Я спроектировал и соорудил целый ряд магазинчиков, кафе (два кафе), и даже один фитнес-центр. Я не люблю это делать. Самое неприятное в такой работе – это понимание, а вернее сказать, точное знание, что то, что я теперь делаю – магазин или кафе – ...вот этого скоро не будет. Имеется в виду, что через какое-то непродолжительное время какой-нибудь мой коллега, на том месте, где я строю сейчас кафе, будет планировать какую-нибудь парикмахерскую или салон оптики. Обязательно будет. Мне уже приходилось видеть, как ломали то, что я сделал всего несколько лет назад.

Я не переживаю по этому поводу, просто неприятно.

Хотя, когда мы искали с Максом мою машину, мне было совершенно не до архитектуры. Если я даже не мог вспомнить, где и как я парковал машину, какая тут к чёрту архитектура.

У меня не «феррари» и не «порш». Все почему-то думают, что архитекторы – они такие-сякие. Есть и такие – это звезды, и уже непонятно, в каких космосах они находятся. Я с такими не знаком и тоже видел их только в журналах. Но это, по-моему, уже люди, которые ничего не строят, а только указывают пальцами некие направления. Им можно, им никто не скажет: «Не показывай пальцем, это нехорошо!» А я нет! Я хорошо знаю, какие новые строительные материалы поступают на рынок, где они дешевле. Я отлично умею материться, потому что строители это любят и других слов понимать не желают. Мне кажется, что я умею разговаривать просто со всеми. И ещё мне кажется, что я хороший человек.

Я был женат... там, в Родном городе. А в Москву я приехал уже неженатым. Чуть было не сказал, что был женат неудачно. Просто всегда говорится, в случае если люди разошлись, что брак был неудачным. Люди, может быть, прожили вместе много счастливых лет, а потом что-то пошло по-другому, и вот они расстались. Какая же тут неудача? Вот и я ничего плохого про свою женитьбу не скажу. Было много хорошего, расстались более-менее нормально, даже не без благородства... с обеих сторон... но я об этом не хочу... не

могу я теперь об этом.

Как же мне невыносимо! Господи!!! Зачем я так влюбился?!!!

– Ты чего такой зелёный, влюбился, что ли? – Макс покорно трусил за мной. – Ты меня слышишь вообще?!!!

– Мне твоя борода не нравится!

– Шикарная борода, три недели – и готово!

– Сбрей немедленно... Да где же она, ё-моё, а?!

Наконец-то мы нашли машину.

– Ты её моешь вообще? – Макс нарочито брезгливо открыл дверцу.

– А ты зубы чистишь вообще?

Он тут же по-детски прикрыл рот рукой.

– Боюсь летать! Боюсь ужасно! Саня, мне так хочется кофе, булочку и душ! – Макс сложил брови домиком так, как это умеет только он.

А меня зовут Саша.

Максим – он не толстый, а скорее такой... упругий. Он не толстеет, он поправляется. То есть, становится всё правильнее и правильнее. Если бы Макс похудел, никто не сказал бы ему, что он в отличной форме, все интересовались бы, не заболел ли он. Его невозможно представить себе худым. Макс из такой породы людей, которые не меняются. Макса все и сразу находят на школьных и даже детсадовских групповых фотографиях. Но эта борода... была очень пошлая!

Мы же ехали в город, когда Макс спросил:

– Значит, плохая борода?

– Просто нечеловечески!!! Хуже нельзя придумать!

– А я думал, для Эрнеста такая борода будет нормально.

– Какой Эрнест?! Ты скорее похож на сибирского... тореадора. – Я ещё раз в упор посмотрел на Максову бородку. – Кошмар... ужас настоящий!

– Да ладно тебе, я просто не брился три недели, а тут стоял у зеркала, думаю, чего-то похож я на какого-то купчишку или на разбойника.

– Лучше уж разбойник или купчишка. Сибирский золотодобытчик или душегуб, но при этом милый и таинственный. А тут просто какой-то опереточный персонаж, к тому же ещё и пьющий.

– Я же так, слегка...

– Пока ты её не сбреешь, я с тобой вместе даже на заправку постесняюсь заехать.

– Я тебя рассмешить хотел. – Макс повернул к себе зеркало и стал рассматривать бороду, выпячивая вперед подбородок. – Значит, не стоит мне носить бороду?

– Да делай что хочешь! Но ты не видишь разве то же самое, что и я? Ты же смотришь в зеркало! И что, доволен? Это же просто... Ну посмотри, ты сделал себе лицо, среднее между шкипером и мушкетёром. А среднее между шкипером и мушкетёром – это дурак! Причём дурак с претензией.

– Саня, она у меня растёт клочками какими-то, я хотел попробовать... И всё. Сейчас доедем куда-нибудь, и сбрею я

её. Не переживай ты так.

– Ну и пускай растёт клочками, как растёт, так и пусть растёт. Или сбивай её совсем, чтобы не было никакой. А эти усы, эти бородки, бакенбарды сраные всякие. Ужас просто. Понимаешь, вот есть у человека лицо, и слава Богу!!! Нос или рот, какой бы он там ни был, он есть и всё. А вот какой-нибудь деятьель отпустит себе усы, и трясётся над ними, а когда смотрит на себя в зеркало – он же остаётся доволен. Понимаешь, доволен. Если бы был недоволен, то сбрил бы их или изменил форму усов. Нет! Ему нравятся именно эти, а значит он сам себе нравится. И нравится по-серьёзному, безо всяких там. Терпеть не могу! Чем пафоснее и серьёзнее какой-нибудь деятьель, тем ухоженнее усы и борода. А эти шкиперские бородки... Мол, я такой интеллигентный, но романтический и свободный. Все эти пошлые эспаньолки... Представляешь, они же красят их, Макс, красят... Конкистадоры, ядрёна мать. – Я говорил, распаялся и гнал машину всё быстрее. – А эти лысые длинноволосые люди. Отрастят с одной стороны длинные потные перья, и давай их зачёсывать на лысину. Тошнит! Тошнит ведь! И лысина от этого у них выглядит, как какой-то мерзкий припудренный прыщ. Не могу просто! Нет чтобы состричь всё коротко и забыть про это... Но главное, они же смотрятся в зеркала, представляешь!!! И остаются довольны. Это непостижимо!

– Я её сбрею, сказал, значит сбрею. Я же не спорю. Ты что думаешь, я не понимаю... Что с бородой, что без бороды –

один чёрт... Я же пошутить хотел. Но в Москве, вижу, не прокатывают такие шутки. – Макс улыбался, он не обижался, а я чего-то прямо-таки завёлся.

В этот момент зазвонил мой телефон. Началось! Рабочий день подал о себе первый сигнал. Но последний месяц от каждого звонка сердце вздрагивало надеждой... Вдруг это Она! Как жаль, что Она знает мой телефон... Точнее, не то, что она его знает, а то, что он у Неё есть... Или был. Во всяком случае, я его Ей давал. Зачем я это сделал?! Как только я дал ей номер своего телефона, я сразу стал ждать её звонка. Это ужасно!!! И это ещё на фоне того, что я всё время сам хотел позвонить Ей. Номер её телефона высвечивался огненными цифрами прямо у меня в мозгу...

Когда я вновь встретил её, там, на открытии косметического салона... Она увидела меня первой. Я разговаривал с кем-то, а потом перевёл взгляд в сторону и увидел её улыбку. Она уже смотрела на меня и улыбалась. А потом... мы просто поздоровались, вспомнили летнюю встречу. В смысле, просто сказали что-то друг другу о той встрече. Говорили ещё о чём-то. Потом меня отвлекли, и она отошла к кому-то. Но я всё время под разными предлогами подходил к ней или тем людям, которые с ней разговаривали. Я внимательно осмотрелся, но не обнаружил того мужчину, который был с ней летом. Если его нет, значит нужно было выяснить, с кем она пришла. Не может быть, чтобы она была одна.

Отчётливо помню, что мне удалось как бы непринуждён-

но и даже обоснованно, ну, как бы не просто так, спросить у неё номер телефона. Она сразу же дала мне свою визитную карточку, протянула её мне, потом извинилась, достала ручку и написала на обратной стороне номер мобильного телефона. Я сделал то же самое... И сразу стал ждать её звонка...

Она в тот вечер была одна. Потом ей кто-то позвонил, она сказала: «Да-да, сейчас выхожу». Так получилось, что я помог ей найти пальто, помог надеть его и проводил до выхода. Она на секундочку оглянулась, сделала такой полуоборот, улыбнулась и слегка повела рукой. Получился почти невольный прощальный жест. Она вышла. Мелко-мелко переступая, быстро подбежала к стоящей напротив входа машине. Из неё вышел мужчина, не тот, что был летом. Он сидел за рулём, и вышел ей навстречу, открыл ей переднюю дверцу. Она села, он захлопнул дверь, вернулся на своё место, там, внутри, они, кажется, коротко поцеловались. И уехали. Мужчина был в чём-то тёмном, даже скорее в чёрном. Куртка или короткий плащ. Машина была хорошая, и не такая, на которой ездят с водителем. За рулём такой машины должен точно сидеть хозяин... машины. Ну конечно, а как же иначе?! Такая женщина!

У меня осталась Её визитная карточка. Я поднес её к глазам. Там было Её имя!!!

Я так боялся увидеть карточку какого-нибудь модельного агентства или узнать, что она дизайнер. Страшно было прочесть также о каком-нибудь диетпитании или про что-ни-

будь, связанное с юриспруденцией. Журналисткой быть она не могла. Это было очевидно.

Нет! Она работала в туристической фирме. Большой и солидной. Она заведовала там авиаперелётами. Я обрадовался. Самолёты – это прекрасно. Я поцеловал карточку.

А ещё можно было быстренько выяснить, кто её пригласил на это мероприятие... и получить ещё информацию...

Когда я ехал домой, я знал о ней достаточно. Она была знакомой одной из хозяек этого салона, и один мой приятель, из тех, кто делал салон, тоже её немножко знал. Они сказали, что она очень хорошая, она не замужем, у неё есть дочь лет восьми-девяти. И ещё они сказали, что она точно очень хорошая.

Дочь восьми-девяти лет!!! Ни фиги себе. Мне она показалась одновременно и очень юной, и взрослой. Точнее, я почувствовал. Что она старше меня. Хотя это наверняка не так. Моему сыну десять. Но она показалась мне старше меня. Потому что она такая красивая. Все очень красивые женщины кажутся мне... что они меня старше. А она была прекрасная...

Я позвонил ей через три дня. Как я их прожил, не очень понятно. Раньше звонить было нельзя. И так-то было слишком рано. Но больше я выдержать уже не мог.

3

Мы с Максом ехали к городу. Уже стало светло. Наступил такой белёсый день. Зимний облачный день, матовый и неконтрастный. Первый звонок в этот день был не от Неё. Звонил Паскаль, мой забавный французский друг. Архитектор из Парижа. Очень энергичный и деятельный сорокалетний парень. Его отец был когда-то консулом в России. Паскаль отлично знал русский язык. У него был даже не акцент, а какой-то свой очаровательный неправильный, но выразительный вариант русского языка. Этаким диалект, которым владел только он один. Общаться с ним было очень смешно. Он сильно хотел что-нибудь осуществить в Москве, приехал с этой целью месяца два назад, и закрутился... Закрутился так, что его невозможно было остановить. Ему очень нравилось в Москве. Но о каком-то деле он пока не договорился. Я пообещал ему помочь, хотя чем помочь, ни он, ни я – мы оба не понимали.

Он позвонил, чтобы напомнить мне о встрече.

– Саша, привет, я не разбудил? – он задавал этот вопрос всегда, даже если звонил вечером.

– Нет! Ну что ты!

– Мы договорились встречаться сегодня. Ты ещё хочешь повстречаться?

– Я уже еду к тебе.

– О-о-о! А куда? – спросил Паскаль.

– Паскаль, не проверяй меня, пожалуйста, а! Я помню, во сколько и где мы встречаемся.

– Хорошо, до скорого, пока! – он отключился.

– Хочешь, познакомлю с модным французским архитектором? – спросил я Макса.

– Хочу! А как же борода?

– Он француз, он не заметит! Поехали, мне надо с ним встретиться. Ненадолго. Там будет кофе и булка.

– Отлично! А я не помешаю? Я могу пока сгонять к своим, а потом повстречаемся где-нибудь. Я бы хотел лучше пока переодеться и душ принять.

– Макс! Что значит – сгоняю к своим. Я тебе не извозчик!

– Да я такси возьму, ты не так понял!

– Макс, не надо! Не надо этого! Я, конечно, тебя отвезу куда нужно. Но можно было об этом сказать раньше, а? У меня сегодня рабочий день. Рабочий! Куда тебя везти?

– Ты чего?! Обалдел? Не мог меня встретить, так и не надо. Проблемы-то нету. Выпусти меня, я машину поймаю.

– Макс!!! Куда ехать?

– Понятно! – Макс отвернулся. – Где ты встречаешься с французом? Вот туда и езжай. Потом разберёмся.

Некоторое время ехали молча.

– Извини, Макс!

Макс не ответил.

Опять ехали молча.

– Макс, извини, говорю.

– Угу. – Максим кивнул головой, не повернувшись ко мне.

Я, не включив сигнал поворота, пересёк правую от меня полосу движения... Потом, чуть не вылетев на тротуар, затормозил... Как только я выскочил из машины и захлопнул за собой дверцу, я закричал. Закричал очень громко. Многие люди оглянулись на меня. Крик получился короткий. Это был крик... в самом конце выдоха. Потом я застонал, наклонился вперед и... заплакал...

4

Паскаль ждал меня в кафе на Пушкинской площади. Он сидел прямо у окна и увидел меня, когда я подходил к кафе. Он радостно замахал рукой. Чёрт бы его побрал... совсем.

Я успел завезти Макса к родственникам. Мы договорились после обеда созвониться и повстречаться снова. Макс чего-то хотел мне сказать. Знаю я, к чему сводятся его разговоры! Надо будет перемещаться по городу и везде выпивать. А ещё, как только он выпьет – сразу начинает звонить бывшим землякам, которые обосновались в Москве. А те будут и рады. Если же не будут рады... всё равно приедут. Максиму отказать невозможно.

Я чувствовал, что зря так обошёлся с Максом. Далась мне его борода... Нет! Борода была ужасная, но только вёл я себя... В общем, так нельзя!

Мы договорились встретиться с Паскалем в полдень. Я опоздал минут на пятнадцать. То есть, было уже четверть первого, а я так и не придумал хоть сколько-нибудь нормального повода Ей позвонить.

Паскаль бросился мне навстречу и стал обнимать меня, как сумасшедший. Это не было такое формальное европейское объятие и поцелуй мимо щеки. Нет! Это были яростные объятия очень счастливого человека. Паскаль не стал укоризненно постукивать пальцем по стеклу своих наручных ча-

сов, дескать, сколько можно тебя здесь ждать. Сам он опаздывал, и ничего. Но если опаздывал я, он надувал щёки и делал непонятный у нас, какой-то, видимо характерный для Франции, жест. А тут... Он был в восторге от чего-то.

– Саша! Спасибо, дружище! Это так прекрасно! Я очень-очень ррад! – он вёл меня к столику, за которым сидела очень эффектная женщина в чём-то леопардовом и с причёской. Я не сразу посмотрел ей в глаза, потому что бюст был предьявлен как центр внимания.

– Саша, познакомься – это Катеррина, мой первый клиент в Москве!

Слава Богу, что я не сказал то, что тут же чуть не выпало у меня изо рта, потому что я чуть не ляпнул: «Зато ты у неё точно не первый клиент!».

– Катеррина – подруга Алёши. Познакомься! – он посмотрел на Катерину. – Познакомьтесь, это – Саша, Я вам о нём рассказывал.

– Саша, – сказал я и улыбнулся, как мог.

– Катя, – тихо сказала она и протянула мне расслабленную руку ладонью вниз. Вот и пойми, пожимать её или целовать. Я пожал.

– Катеррина – подруга Алёши! Мы начинаем очень интересный проект. Может получится манификально совершенно... очень смело!

– Простите, – извинился я, обращаясь к даме. – Паскаль, дорогой, какой Алёша?

– Ну-у-у?! Алёша! К которому мы ездили смотреть квартиру!

Мое лицо продолжало хранить непонимание, хотя я уже сообразил, о ком идёт речь.

– Алёша! Который хочет большой ремонт и мансарду! – уточнил Паскаль.

Я понял... я, конечно, понял, о ком говорит Паскаль. Но я не мог поверить ушам! Во-первых, интересно, что должно было произойти, чтобы этот француз в мятой рубашке на выпуск и старых коричневых брюках крупного вельвета стал называть «Алёшей» человека, которого, наверное, даже родная мама в детстве так не называла. Алёшей он назвал минимум сто двадцать кг живого веса, без шеи, почти без волос на голове, с огромными руками и маленькими, вечно прищуренными голубыми глазами на хитром лице.

Если бы этого «Алёшу» показали в каком-нибудь кино, критики непременно сказали бы, что герой чересчур карикатурен и таких в жизни не бывает. А «Алёша» был! Он был мой земляк. Он недавно переехал в Москву, купил огромную квартиру на Пречистинке, заказал мне, как земляку, нечеловечески роскошный ремонт и... вот... обзавёлся подругой Катей. Но то, что Паскаль назвал Алёшей человека, которого в Родном городе никто кроме как Циклом не звал – это ерунда... Главное, что я только услышал, что мой приятель, француз, увёл у меня заказчика. Вот так вот! Вуаля! И всё! Офигеть просто!

На столе перед Катериной лежали журналы и фотографии, какие-то папки. Журналы и фотографии Паскаль всегда таскал с собой... Когда мы ездили к «Алёше», всё это было при нём.

Однажды я взял Паскаля с собой в гости. Я хорошо помню, что мы сидели на даче моих хороших знакомых. Я привёз к ним Паскаля. Он – очень хороший аттракцион. Когда я хотел кого-нибудь из приятных мне людей чем-нибудь порадовать, я брал с собой Паскаля. Он, кажется, отлично понимал, зачем я его таскал с собой, но не подводил никогда. Больше всего радовал Паскаль тем, как он говорил. Особенно удавались ему разные странные производные... Например, он мог сказать: «Они (кто-то) уже полностью затрахнули мне весь мозг!» Или: «А я им сразу сказал, что это мне до фига не интересно!» Он очаровательно сообщал: «Как я устал от этой пьянственной жизни». Или: «Мне необходимо поутюжить рубашку!» Я не мог втолковать ему, что надо говорить «секретарь», а не «секретарщица», и так далее. Однажды он выдал просто шедевр. Он сказал про одного человека: «Наверное, у него комплекс недрагоценности».

Так вот, мы приехали с ним к очень милым людям на дачу. На хорошую, классическую подмосковную дачу, с большой деревянной белой верандой и запущенным садом. Мы там чего-то задержались и остались ночевать. А значит, выпивали почти до утра. Хозяин дачи пожаловался, что их соседи продали свой домик, который был ещё лучше, чем их

собственный. Продали каким-то идиотам, которые уже купленный домик сломали и собираются строить нечто, сильно напоминающее замок графа Дракулы.

Мы начали развивать тему идиотизма. Я, конечно, говорил, что все мнят себя архитекторами и ваяют себе такое!!! Паскаль уверял, что просто людям надо объяснять, убеждать их, и всё получится. Я же говорил ему, что это бесполезно! Потому что назначают модным что-нибудь – и все начинают делать себе круглые башни, потом кто-нибудь сделает зимний сад, и пошло-поехало. А главное, развелось такое количество шарлатанов, которые слова поперёк желания заказчика не скажут, идут на поводу... А Паскаль своё – мол, всем всё можно объяснить и доказать. Я разозлился, сказал ему, что понаехали сюда знатоки того, как надо и не надо, а на самом деле вообще ничего здесь не понимают, и только пользуются тем, что русские люди живут иллюзиями и с большим почтением относятся к европейцам. Но ничего! Недолго уже осталось!!! Паскаль говорил, что не надо устраивать «поссор» (то есть ссориться не надо).

В итоге, мы поспорили, я пообещал взять его на встречу с заказчиком. Мне как раз надо было встречаться с Циклом... ну, то есть, с «Алёшей». Я думал: «Пусть посмотрит на реального человека и скажет, можно ему что-то объяснить или нет».

Я был уверен, что Алёша-Цикл не подведёт. Это было неделю назад. Мы поехали с Паскалем смотреть квартиру

и чердак, которые я взялся реконструировать и делать там большой ремонт.

Алёша ждал нас, стоя посреди огромного помещения с разбитыми окнами. Стены уже сломали, но обломки ещё не вывезли. Дом был старый, с высокими потолками. Паскаль очень воодушевился, попросил у меня план квартиры и чердака и забегал по дебрям разрушенного жилья. Мы стали обсуждать с земляком детали проекта. Цикл не вникал в эти детали. Ему было как бы всё не очень важно. Он возил меня в дом, где ему нравилось, «как всё сделано». И он просто хотел то же самое, но лучше, и чтобы обязательно была бильярдная. Большая. В том доме было всё по полной программе.

Паскаль убежал на чердак, возвращался, говорил какие-то восторженные слова о том, как и что можно сделать, и как это будет «манификально» и «спектакулярно»... и убежал снова. Цикл, конечно, услышал акцент и иностранное имя, и я представил Паскаля как своего коллегу, но минут через двадцать он спросил: «А кто это?».

Я сказал, что это мой друг, модный парижский архитектор, теперь хочет сделать что-то у нас.

– Конечно, хочет, – сказал Алёша. – Везде сейчас понимают, где реально платят...

Я говорил, что Паскаль романтик, но очень талантливый, хотя делает странные вещи. Паскаль как раз сунул мне свои журналы и фотографии. А я возьми да и скажи:

– Кстати, вот... его работа, – я показал фотографии Паскалевых произведений в архитектурном журнале. Это был какой-то очень решительный объект. Весь из металлоконструкций и стекла. Городская художественная галерея, где-то на севере Франции, в небольшом городке. Паскаль построил её года четыре назад и получил за неё какую-то премию. Я специально показал самый дикий объект, чтобы услышать что-то вроде: «И за это его не посадили?» или «У нас мужики сортиры делают красивее». Но Алёша внимательно посмотрел фотографии, забрал у меня журнал и стал листать. Когда Паскаль вернулся, Цикл пальцем ткнул в фотографию и сказал громко, как будто говорил с глухим человеком:

– Ты сделал?

– Да!!! Но это было давно!

– Молоде-е-ец! – Цикл переглянулся со мной и показал на Паскаля пальцем, так, как если бы тот был какой-нибудь работающий зверёк, типа бобра или енота-полоскуна.

И всё, больше они не разговаривали. Паскаль только на прощание сунул Циклу свою визитную карточку. А Цикл, в свою очередь, прощаясь, спросил меня громким шёпотом: «Модный, значит?» Я сказал, что вполне модный...

И вот – на тебе!

Глаза Паскаля блестели, причём казалось, что левый глаз блестит ярче, чем правый.

– Алёша решил, что Катеррина будет решать, как будет

получаться. Мы думаем, как делать мансарду, посмотрри.

Он стал показывать мне какие-то размашисто исполненные эскизы. Там были его любимые металлоконструкции. То, что он мне продемонстрировал, было почти дикостью... Дикостью, даже в сочетании с Паскалем. Но Катерину в леопардах, и тем более Алёшу-Цикла, я представить себе во всём этом просто не мог...

Паскаль говорил, а я думал, стоит ли то, что сейчас со мной происходит, того, чтобы позвонить Ей, и рассказать об этом. И если об этом стоит рассказать, то как следует эту историю интерпретировать: как эпизод забавный и курьёзный или как историю вероломства и предательства.

– Катеррина, – Паскаль обратился к нашей молчаливой даме, – извините нас, пожалуйста. Мы немного отойдём.

Катя слегка приподняла брови... и всё. Паскаль увлёк меня в сторону.

– Саша, я всё очень хорошо понимаю! – сказал он спокойным и ровным голосом, совсем немного отведя меня от столика. Он говорил, казалось, совершенно без акцента. – Как ты думаешь, сколько я тебе должен за твою помощь?

– Паскаль???! – моё лицо, видимо, отобразило полное смятение и непонимание вопроса.

– Саша! Я должен тебе за твою помощь. Обязательно должен. Сколько? Это же нормально! Ты помог мне найти хороший заказ, и я тебе плачу. Ты хочешь процент или какую-нибудь определённую сумму?

– Паскаль, дорогой!!! – сказал я совершенно спокойно. – Ты где этому научился? Здесь или у себя на родине?

– Саша! Не говори, как моя первая жена, пожалуйста. – Он сказал это с какой-то неподражаемо «нашей» интонацией.

– Поздравляю, дружище! Ты отлично начал! Пока! Я искренне рад за тебя! – я улыбнулся как можно честнее, потом наклонился к Паскалеву уху и громким шёпотом сказал: – Поаккуратнее с Катериной, Алёша может подвесить и поджарить...

Я протянул ему руку, он машинально пожал её. Я развернулся и вышел из кафе. Быстро-быстро подошёл к машине, сел за руль и минут пять думал о произошедшем.

Нужно было срочно разобраться в этом. И я разобрался, как мог. Во-первых, Паскаль как минимум выиграл спор! Во-вторых, хотел я делать этот ремонт для Цикла? Не хотел! Нужна мне эта канитель со всем тем, что хотел Алёша-Цикл получить в итоге нашего сотрудничества? Не нужна! Ловко Паскаль всё обстряпал? Ловко! Влюблён я сейчас или нет? Влюблён!!! Прав Паскаль сейчас? Не прав! Правильно я изобразил обиду? Правильно! Значит, всё очень хорошо!!! Можно спокойно выпить с Максом! И как же хорошо, что мне удалось сохранить вид благородной обиды. Это прекрасно.

Какой же Паскаль молодец-то, а?! Вот так смотришь на этих иностранцев, которые идут по Тверской, не глядя под ноги и замедляя общее движение. Идут, рты чуть-чуть при-

открыты, улыбаются. Кажется, все такие наивные, милые, нежизнеспособные. А тут вон как, оказывается! Молодец!

Я завёл машину и поехал, поехал просто вперёд. Нужно было обдумать причину, выдумать повод позвонить Ей. Из-за того, что встреча с Паскалем сократилась практически до минимума – у меня появилось свободное время... И можно было что-нибудь сделать... Например... Позвонить Ей.

5

Я отлично знаю, что звонить, конечно, не нужно. В этом нет решительно никакого смысла! После таких звонков становится только хуже. Причём в любом случае. Например, вот ты не выдержал и позвонил. Предварительно придумал причину, высосал из пальца какой-то предлог и набрал заветный номер... И тебе не ответили! До этого звонка было не здорово, а после... стало просто невыносимо! Почему она не ответила? Не услышала звонка? Опять же почему? Не хочет отвечать? Может быть, у неё определился номер того, кто ей звонит, то есть мой номер, и она не пожелала ответить? Почему? Я надоел? Или она занята? Или она не одна? Почему она не отвечает? Надо бы позвонить с другого, не известного ей номера...

Или она ответила, но коротко сказала: «Извини, не могу сейчас говорить, перезвоню сама», – и отключилась. Почему не может? Уже не рабочее время, а если даже рабочее, зачем же так-то! Она перезвонит! Когда? Ждать невыносимо! Но она уже сказала, что перезвонит сама, и значит, сам я уже перезвонить не могу. Она же сказала!.. Вдруг она в больнице у кого-нибудь или на похоронах, мало ли что. А если она позвонит нескоро, как тогда жить? А если вовсе не позвонит сегодня, как спать? Как дожить до завтра? Надо немедленно придумать совсем весомый повод, чтобы как бы не мочь

снова не позвонить.

Или я позвонил, а она обрадовалась, мы поговорили, о чём-то договорились даже... И вот прощаемся, я говорю: «Пока, целую», – а она: «Пока-пока». И не сказала «целую». Почему? Почему она не сказала? И я начинаю думать, думать... И понятно, что срочно нужно придумать предлог, чтобы снова позвонить и снять это напряжение, а иначе можно просто сойти с ума.

Или звонишь... и всё хорошо! Поговорили прекрасно, и договорились обо всём, и она «поцеловала» в конце разговора, и попрощались хорошо. И минут десять-пятнадцать после такого разговора – счастье и покой. Но скоро, очень скоро покой улетучивается. А просто после такого прекрасного разговора ты вспоминаешь каждое её слово... У тебя больше ничего нет, кроме этих слов. Ты перебираешь весь разговор, все его детали, как драгоценные камешки, и сначала радуешься... а потом камешки меркнут, их становится НЕДОСТАТОЧНО! И нужно ещё, ещё... И желание позвонить становится ещё сильнее и невыносимее, чем до того последнего звонка... И нужно немедленно найти причину снова набрать её номер.

Или её номер занят, она говорит с кем-то.....

То есть, звонить Ей не надо. Ни в коем случае. Это я понимал. Понимал с самого начала.

Я помню, как Она обрадовалась, когда я позвонил ей в первый раз.....

Паскаль позвонил мне минут через десять после того, как я отъехал. Голос его был очень, как бы это сказать... значительным.

– Саша! Прости меня, пожалуйста! Ты должен меня послушать. Я понимаю, как ужасно ты подумал. Прости, но я не такой сволоч, как ты решил. Я тебе всё объясню!!!

– Паскаль, я...

– Я тебе хочу сказать, – он не дал себя перебить, – что если тебе так не нравится, и если ты со мной так не захочешь больше разговаривать, то я откажусь от этого заказа. Я просто откажусь и всё!

«А-а-а!!!» – подумал я.

– Паскаль! Я сейчас не могу говорить. Извини. Поговорим позднее. Я сам тебе позвоню.

– Саша, я срочно хочу...

– Потом поговорим! Я чуть позже тебе позвоню. О.К.? Пока! – Я отключился. То-то же! Пускай помучается. Очень хорошо! Только зачем я сказал это «О.К.»? Зачем? Вышло грубо и как-то по-дурацки... Позвоню ему вечером или завтра.

Да! Так вот... Когда я позвонил ей в первый раз, она обрадовалась. Узнала не сразу, но... почти сразу, и обрадовалась. Три дня, которые я непонятно как прожил... Те три дня, после той встречи, когда она дала мне свой телефон, и до того, как я ей позвонил... Казалось – все те три дня я только вдыхал и не выдыхал. А тут она обрадовалась, и я выдохнул. У меня так легко-легко получилось предложить ей встретиться-

ся! Она согласилась! Не в тот же день, конечно, а через пару дней.

Мы встретились в кофейне на бульваре... совсем недалеко от Чистых прудов. Я пришёл раньше и видел, как она подходила к кафе. В этот раз я разглядел её очень хорошо и подробно. Оказывается, я каждый раз забывал и забываю её лицо. Не в том смысле, что не помню его. Но в смысле: не могу удерживать его в памяти и воспроизводить. Оно так прекрасно, что мне не хватает памяти на воспроизведение! А её фотографию я не хочу иметь при себе, и вообще не хочу её фотографию... Непонятно, зачем фотография нужна... Хотя, я хотел бы непрерывно её фотографировать.

Она пришла тогда почти точно вовремя. На ней было лёгкое пальто... У неё прекрасный вкус! Как мне нравится, как она одевается! От неё так пахнет! Мне нравится всё! Я так её люблю!!! Слишком сильно! Невыносимо!

Мы только один раз были в том кафе, а я не могу теперь проезжать мимо него. Я стараюсь этого не делать. Мы посидели тогда в нём не более сорока минут, выпили – она чай, я два кофе. Говорили ни о чём, она смеялась, а я смотрел на неё – и думал о том, как я хочу взять её сейчас за руку и не отпустить никогда. Посидели сорок минут, и это кафе стало для меня «нашим» кафе. Я не могу туда пойти больше, и вид этого кафе ранит меня. И бульвары... все бульвары ранят. И весь город ранит меня непрерывно. Потому что Она здесь. А все те места, где мы встречались, стали просто эпицентра-

ми нестерпимого... волнения, тревоги...

Вот, к примеру, на открытии косметического салона она дала мне номер своего телефона, и теперь все косметические салоны мучают меня и заставляют вздрагивать. Мало того, даже слово «косметика», и то как-то тревожит. И слово «космос»... из-за близости звучания не оставляет шансов быть спокойным хоть иногда.

И вот так со всем! Я узнал, что Она работает в туристической фирме и занимается авиаперелётами – теперь для меня все турфирмы стали источниками сильнейших сердечных спазмов... И все офисы всех авиакомпаний тоже. Всё-всё, что было хоть как-то с Ней связано... А с Ней было связано ВСЁ. Особенно этот город.

Я ехал и думал: «Уже час дня, а я никак не могу Ей позвонить, нет внятной причины, да ещё Макс тут. Надо быть с ним. Куда его девать?!» Ещё нужно было заехать на один объект. Я вёл «стройку». Ну, то есть, делал очередной магазин, и там возникли какие-то проблемы, и нужно было заехать – поругаться. Нужно было привести в чувства бригаду строителей, которые, видимо, расслабились. Ехать туда было рано. Есть я не хотел. С этим в последнее время вообще были проблемы. Я не ел ни черта! Не хотелось. Паскаль даже спросил меня как-то: «Саша! Ты что, не пользуешься едой?!» Ну, не лезло в меня! А что ещё можно делать в Москве в обеденное время в будний день? И вдруг, пришла счастливая мысль. Я обрадовался ей. «Постригусь, – решил я. – Надо

постричься».

В школе, в старших классах, я очень хотел иметь длинные волосы, но они не очень росли. Волосы у меня вообще не очень. Никогда мне мои волосы не нравились. Я стригусь нечасто и значения волосам особого не придаю. Но когда мне бывает плохо, не в смысле, заболел или огорчился, а когда долго плохо... мне хочется побрить голову наголо. Я уже делал это. Помогает. Не знаю чем, но помогает. Становится как-то легче, что-то обновляется. И некоторое время каждый подход к зеркалу вызывает удивление и даже улыбку. То есть, после бритья головы моя внешность вызывала у меня улыбку.

Я с радостью побрил бы голову и в этот раз. Но что Она об этом подумает, как Ей это понравится? И если Она спросит: «Зачем ты это сделал?», – я же не смогу ей сказать: «Понимаешь, я слишком сильно тебя люблю, я не могу справиться с этим чувством, я схожу с ума. Вот я и подумал, может быть, будет лучше мне побыть без волос. Может быть, станет легче».

Я не могу так сказать! А что тогда говорить? Всё остальное не будет правдой. А как я могу Ей сказать неправду?! И, кстати, я Ей ещё ни разу не сказал прямым текстом, что люблю её.

Я поехал на Петровку. Там, во дворах, есть одна знакомая парикмахерская, где можно надеяться попасть к хорошему мастеру без записи... в обед, в будний день. Я давно пере-

стал ходить в такие парикмахерские, где приходится сидеть и ждать в живой очереди. Те парикмахерские остались там, в Родном городе. Там в очередях сидят мальчишки и пенсионеры. Стригут их одинаково. Там громко работает радио. Толстые парикмахерши говорят ещё громче. Они говорят обо всём-всём, как будто тех, кого они стригут, вовсе не существует. Они говорят, стригут, потом крикнут: «Следующий», берут веник или щётку и, продолжая разговор, плохо подметают у своего рабочего места. «Как будем стричься?» – и опять своё. Если бы мне, как в детстве, подкладывали доску под задницу, чтобы я сидел выше, я бы продолжал ходить в такие парикмахерские. Там меня стригли и хвалили за то, что я такой хороший. И я казался себе очень талантливым и чудесным человеком.

Мне повезло. Оказался свободный мастер. Она охотно согласилась меня постричь. Маленькая, худенькая, можно сказать, костлявая, с очень выразительным острым лицом. «Такая может свести с ума, – подумал я. – И наверняка кого-то уже свела». Мне очень повезло с ней. Она оказалась немногословная, внимательная, и такая, ну... в общем, когда она меня стригла, то от сосредоточенности, ответственности сжимала губы так, что губы белели. Короче, два месяца назад я обязательно взял бы у неё телефон, чтобы, якобы, иметь возможность стричься только у неё.

– Как будем стричься? – глядя на моё отражение в зеркале, спросила она.

– Ну, так... покороче. Сверху уберите чуть-чуть, уши откройте, впереди так... ну-у-у, в общем, чтобы было прибрано, но не прилизано, понимаете? И сзади слишком явной окантовки не делайте, я не офицер.

Она улыбнулась, запустила пальцы мне в волосы, пошевелила ими.

– Понятно. Пойдёмте голову помоем, – сказала она.

– Пойдёмте, хотя я мыл голову утром.

– В порядке у вас волосы, просто с мокрыми волосами легче работать.

Она мне мыла голову, массируя её и поливая тёплой водой. Зачем я так влюбился? Как бы мне было сейчас хорошо, если бы не это.

Как только она стала меня стричь – я начал засыпать. Я видел в зеркале себя, завёрнутого в... эту... ткань, не знаю точного слова, в общем, в то, во что заворачивают в парикмахерских. Из свёртка торчала голова. Голову стригла женщина. Она внимательно рассматривала мои волосы и стригла их. Она лучше меня знала, как мне будет лучше, какую и где оставить длину волос. Я пришёл сюда, потому что хотел, чтобы обо мне позаботились.

Она касалась моей головы, легонько поворачивала и без усилий наклоняла её. Я засыпал. Было так приятно. Глаза мои закрылись. Я увидел какие-то белые пятна среди темноты. Я думал, но думал ту мысль, которую думал не здешний я, а тот, который находился во сне.

Не могу сказать, что я видел сон. Я же не спал, как спят в постели ночью. Это был другой сон. Сон, который бывает, только когда тебя стригут. Потому что сон в вагоне метро или сон на лекции – это другие сны. В общем, я подумал... И мысль была такая, которую просто так не воспроизвести. Это была не мысль даже, а идея, которая пришла в виде желания, мечты, видения и даже истории. Но пришла и ушла в один миг... как вспышка. Как свет молнии в ночи. Молния освещает мир на миг, но видно всё в деталях. Много-много всего видно! И можно этот миг описывать долго-долго. Так и со мной. Идея пришла в одно мгновение, и целиком, во всех подробностях... Сейчас я расскажу, что мне привиделось.

Я увидел...

Быстро стемнело, и мы зажгли костры. Наш избитый батальон – стрелковый батальон измотанного и обескровленного экспедиционного корпуса – готовился покинуть лагерь. Мы получили приказ срочно отступить. Отступить нужно было ночью, тайно, не привлекая внимания неприятеля. Мне приказано было остаться. Осколки моего взвода и я должны были жечь костры, чтобы враг ничего не заподозрил и думал, что наш батальон на месте. Утром мы встретим неприятеля и постараемся подарить уходящим как можно больше времени. Быстро двигаться они не могли. Было много раненых, да и те, кто остались невредимы, очень страдали от жажды и усталости.

Месяц назад нам удалось прорваться на узком участке, и

какое-то время мы успешно наступали. Но потом наше наступление завязло в песках и совсем остановилось. Снабжение сильно отстало. Только некоторым грузовикам удалось проползти через пески и доставить нам немного столь необходимых боеприпасов, еды и воды. Воды сильно не хватало. Последние несколько дней не удавалось думать ни о чём, кроме воды. И вот нам приказали срочно отступить.

Я был возмущён. Два дня назад наши разведчики ушли и до сих пор не вернулись. Их нельзя было лишать шанса вернуться к своим, хотя надежды на их возвращение почти не осталось. Я настаивал, чтобы кто-то остался хотя бы до утра. Вот и оставили меня и мой взвод. Я был рад.

Я прекрасно себя чувствовал. В этом мире не было женщин. Они были где-то далеко. А здесь их даже представить себе было трудно. Батальон уходил тонкой вереницей и сразу исчезал в темноте. Мы прощались быстро и молча. Кому-то пожимал руку, с кем-то обнимался. Не было сил даже на то, чтобы подумать, что мы больше никогда не увидимся. Точно не увидимся! Все так устали, что было не до таких мыслей. Кто-то спешно дописывал письмо, чтобы отдать уходящим. Последние письма! А я не стал писать. А кому?! Я хотел написать только Ей! А что я Ей могу написать? Что я думаю только о Ней. И буду думать до самой смерти... Нет! Я не могу так Ей написать... А если я напишу Ей что-нибудь милое и забавное, Она же всё равно узнает, что со мной случилось. Она поймёт, что я писал Ей это милое и забавное пись-

мо, будучи уже обречённым. Она будет плакать. А я не хочу, чтобы Она плакала. Вот я и не стал ничего писать.

Подул сильный ветер, он поднимал в воздух песок и носил какой-то хлам по опустевшему лагерю. Жуткий зной сразу сменился холодом. Ветер почти срывал пламя с костров. Огонь завывал. На длинном флагштоке громко хлопал наш флаг. Пока мы будем живы – он будет там.

Мне было хорошо. Я так устал, так сильно страдал от жажды и едва стоял на ногах от недосыпа, что просто ничего не чувствовал, кроме сухого языка во рту и тяжёлых век, которые моргали всё медленнее и подымались не выше середины глаз. Всё это притупило остроту мысли о том, как сильно и нестерпимо я Её люблю. Завтра, а точнее уже сегодня, всё кончится. Я чувствовал себя отлично!

Я прошёл, проверил и поправил костры. Потом спрыгнул в неглубокую траншею и добрёл по ней до пулемёта. Пулемёт был обложен мешками с песком. Я погладил пулемёт и пару раз легонько похлопал его ладонью. Потом вынул из кармана плоскую стальную фляжку, встряхнул её. Там было немного виски. Я пошелестел во рту языком, пошевелил губами и даже потрогал потрескавшиеся губы пальцами. Но пить не стал.

Я посмотрел вверх. Звёзд было много-много. Потом посмотрел туда, куда был направлен пулемёт. Там, в темноте, далеко, виднелись костры вражеского лагеря. Туда два дня назад ушёл Макс и пока не вернулся. Я обещал ему, что мы

допьём виски вместе. Макс такие обещания не забывает. Я сунул фляжку обратно. Я же остался здесь ждать его. Я не мог уйти, иначе как я буду жить? Что это будет за жизнь, если я уйду?!

Я сел на дно траншеи, прямо у пулемёта. Я не спал последние несколько суток. Борьба со сном было уже невозможно. «Посплю, – подумал я. – Можно поспать чуть-чуть». Сон сначала расслабил мою нижнюю челюсть, потом шейные позвонки, глаза стали закрываться, а нижняя губа отвисла. Но мысль в голове продолжала звучать. Такая ясная и радостная мысль: «Хорошо, что нет никаких сил и переживаний! И ещё хорошо, что Ей нельзя позвонить. Невозможно! А то бы сейчас думал, как Ей позвонить, о чём Ей сказать, нужно звонить или нет?!?! Хорошо мне! Хорошо!»

Шея и челюсть окончательно расслабились, и голова упала на грудь...

Моя голова упала на грудь, и я проснулся. Парикмахерша хихикнула.

– У меня ножницы очень острые. Осторожнее, пожалуйста.

– Скажите, а многие засыпают, когда вы их стрижёте?

– Да все почти, – глядя мне в глаза через зеркало, сказала она. – Да вы спите, только не дёргайтесь. Ещё минут десять можно поспать.

Какое там! Я совершенно обалдел от увиденного. Там было так хорошо! Там было прекрасно! Господи! Что это со

мною?! Мне нужно туда.

Если бы я знал технологию возвращения!!! Возвращения туда, где остатки моего батальона... ну, в общем, туда... Я бы вернулся... только бы меня и видели.

– Интересно, а где вы только что были? Вы так улыбались хорошо, – очень приятным голосом сказала парикмахерша.

– Улыбался?

– Да-а-а! И губами шевелили! Очень мило. Далеко, наверное, слетали только что?

– Очень далеко. Очень!

– Как же холодно-то! Я так устала от зимы. Я бы хотела сейчас куда-нибудь в тёплые края. – Она не улыбалась, просто говорила и продолжала стричь.

– А как вы поняли, что я был в тёплых краях?

– Я ничего не поняла! Просто хочу лета поскорее или в тёплые края. А вы, значит, только что погрелись? – Она продолжала стричь.

– Точно! Погрелся. – Я покивал головой.

– Не надо головой трясти. Ножницы очень острые...

В этот момент я увидел в зеркале человека... Мне было видно, как у меня за спиной какой-то человек с улицы подошёл к большому окну парикмахерской и стал всматриваться внутрь. Окно было замёрзшим, поэтому он приблизил лицо вплотную к стеклу. Я не смог толком рассмотреть его. Пальто, на голове ничего. Он коротко оглядел парикмахерскую и отошёл, вышел из поля моего зрения.

Моя мастер закончила стричь меня. Она вымыла мне голову, потом высушила волосы феном. Горячий ветер трепал волосы и обжигал кожу на голове. «Как в пустыне», – подумал я. Хорошо, что я постригся. Хорошо!

Вот только мелкие отстриженные волосы нападали за воротник. Одно неверное движение при разматывании этой чёртовой мантии... и за воротником оказались колючие волоски. Нужно заехать сменить рубашку и вымыть шею. Но до вечера это вряд ли получится. Я обречён оставшийся день терпеть мучительный зуд и раздражение на шее. Но зато я побывал Там! Ради такого можно потерпеть.

Уходя, я пожал руку женщине, которая почти час заботилась обо мне и дышала совсем-совсем рядом. Почти час! Я был ей искренне благодарен. Очень!

Я вышел из парикмахерской и постоял несколько секунд у двери. Боковым зрением я увидел человека в длинном тёмном пальто, который поспешно сел в автомобиль. Я тут же посмотрел прямо туда, но он уже скрылся за тонированным стеклом машины. Мне показалось, что это был тот же самый мужчина, что заглядывал в окно. Моментально вспомнился свет фар в затылок... Что за ерунда? С какой стати? Кто я такой, чтобы за мной следить? Чепуха!

Машина, в которую сел тот человек, поехала прочь, а вскоре повернула и скрылась. Это был тёмный и скучный большой «мерседес». Обычный «мерседес», каких в Москве много. Номер я запомнил.

«Да ну, – подумал я, – ерунда!» У меня однажды были неприятности. Меня обвинили в воровстве денег. Заказчики, совсем молодые ребята откуда-то с Урала, рванули где-то денег и решили сделать бильярдный клуб. Я был совсем неопытен. Они дали мне большую сумму и попросили сделать всё «по-человечески». Ещё они сказали, чтобы я их сильно не беспокоил, а когда деньги кончатся – они дадут ещё.

Деньги кончились довольно быстро. Видимо, у них тоже. Они обвинили меня в воровстве. Были какие-то тягучие и дурацкие разговоры, они угрожали, стращали. Я очень переживал. Тогда я только начинал работать в Москве и был щепетилен в вопросах денег, проводил сутки напролёт на стройке... А тут вон как.

Они пугали меня, а я верил. Конечно, я старался не показывать страха, но было неприятно. Они даже изобразили слезку за мной. Короче, получил полезный опыт. Но в последнее время у меня не было подобных ситуаций... так что... «Ерунда», – подумал я.

6

В пятнадцать минут третьего я не выдержал и набрал Её номер. Просто набрал номер, и всё. Никакого повода я так и не придумал. В висках шумно запульсировала кровь... Но голос оператора сообщил о том, что вызываемый абонент временно недоступен. Какой ужасный голос! Как должно быть много проблем у той женщины, которая позволила записать свой голос для этих чёртовых телефонных сообщений.

Эти голоса огорчают всегда! Они спокойны и, как бы, снисходительны, как голоса психиатров. Человек, может быть, погибая, из последних сил, в отчаянии набирает номер, а там, в телефонной трубке, спокойный женский голос – мол, позвоните позже. Какие жуткие проклятия слетают с уст или проносятся в головах тысяч и тысяч людей, которые слышат этот голос. И так происходит постоянно, каждую секунду. И днём, и ночью в адрес этой бедной женщины летят жуткие ругательства, а если не в её адрес, то в связи с тем, что слышали её голос. Как, должно быть, ей непросто живётся.

А, скорее всего, получилось всё очень просто. Ей, видимо, предложили записать несколько фраз. Она их наговорила в микрофон, получила немного денег... И вот такие последствия! Наверняка у её мужа или мужчины тоже есть те-

лефон. Сначала они вместе посмеялись над тем, что кому бы он не звонил, получается, что звонит как будто ей. Но постепенно... всё пошло наперекосяк. Её голос стал у него прочно ассоциироваться с чем-то неприятным... И вот они уже ругаются, а он просто не может больше слышать её голос! В итоге, она остаётся одна. И с кем бы не пришлось ей встречаться, все говорят: «Простите, мне ваш голос кажется очень знакомым...» В общем, беда...

Я ехал, думал о чём-то, не об этой бедной женщине, а о чём-то, чего я не помню... Что-то тревожное и неприятное варилось у меня в голове. Всё вместе: и этот мужчина, который заглядывал в окно парикмахерской, и фары, которые светили мне в затылок, и то, что Она выключила телефон, и ещё миллион всего. Я ехал нормально... поворачивал в нужном месте, показывал повороты, маневрировал, притормаживал, но я не могу вспомнить, как я выехал на Садовое кольцо. И еще... зачем я поехал туда? Я был, как бы... Ну, то есть, бывает, читаешь, читаешь книжку, а потом, вдруг, раз – и понимаешь, что все буквы, слова и знаки препинания я прочитал, но не понял и не запомнил того, что читал, и надо возвращаться назад и перечитывать всё снова. А лучше в такой момент вообще отложить книгу, потому что бесполезно читать.

Я ехал в таком вот состоянии, и вдруг меня вернули... Вернули в мою машину... на Садовое кольцо. Кто-то, какая-то женщина, обгонявшая меня на маленьком жёлтом ав-

томобиле, громко сигналила мне и выразительно жестикулировала, мне же. Я тут же почувствовал, что что-то не так с машиной... Заднее левое колесо спустило, и какое-то время я ехал на спущенном колесе. Оно было изжѣвано в хлам. Так захотелось очень громко выругаться, а ещё пнуть и ударить машину... И я тут же всё это сделал... Сразу после этого захотелось всё бросить и выпить, но это нужно было делать уже постепенно.

Запаски у меня не было... просто не было! Я каждый божий день думал, что надо заехать к специалистам, привести запаску в порядок... Я думал об этом каждый раз, как садился в машину... вот уже месяц...

Я выругался еще раз – не помогло совершенно. Колесо было уже не спасти. Я сел в машину и дополз до ближайшей парковки. Метров сто пятьдесят, не больше. И как я мог ехать так до этого и ничего не чувствовать?! Нужно было что-то делать с машиной. Не бросать же её так! И я её тут же бросил. Взял с заднего сидения шарф и перчатки, пожалел, что не надел утром кепку, захлопнул машину и бросил её. Как-нибудь завтра разберусь. «Не могу сейчас этим заниматься! Не могу-у-у!!!»

Я собрал ладонью немного снега... На крыше стоящей рядом машины было много слежавшегося снега... Потом я наклонился и стал протирать этим снегом шею. Шея горела от волосков, которые нападали за воротник. От снега было очень приятно! «Нужно сменить рубашку! Принять душ и

сменить рубашку», – эта мысль была ясной и очень конструктивной. «Надо бы поехать домой. Домой!»

Но дом находился ровно в другой стороне, и неблизко. А ещё, я не хотел видеть то место, которое я подразумеваю, когда говорю: «Я пошёл домой». Я не хотел видеть его при дневном свете... Весь этот не доведённый до конца ремонт, который я начал два года назад, а теперь не видел смысла его заканчивать, потому что мои представления о том, что я хочу у себя дома, сильно изменились за эти два года. «Я не хочу туда. Сейчас не хочу!» Я захотел взять себя за голову и тут же сделал это. «Какая маленькая у меня голова, какой это маленький сосуд! И сколько же в ней говна, а?!» Я так и стоял минуту, а потом мне позвонил Макс! «Спасибо! Спасибо, Макс!!!»

– Здорово! Ну как ты? – радостно спросил он.

– Х...во! – очень быстро ответил я.

– Чего так?

– Всё, Макс! Я без машины! Колесо проколол. Труба!

– Отлично!!! Значит, можно выпить немедленно!!!

– Это да! Но маленько погодя... Я на стройку заеду, а ты пока подумай, куда пойдём. Но, Макс, я сильно соответствовать тебе не смогу. У меня должна быть вечером ещё встреча.

– Женщина?

– Макс! Давай я не буду сейчас тебе ничего объяснять, а? Я тут на улице стою, кругом опаздываю, в общем...

– Саня, а ты на метро – и кругом успеешь! Кстати, если ты встречаешься с женщиной, то я не обижусь, а если не с женщиной, то забудь, как меня зовут!

– Макс! Ты бороду сбрил?

– Саня, – Макс перешел на шёпот, – с этим лажа! Тетя от бороды в восторге. Увидела – так обрадовалась. Я при ней сбрить её никак не могу. Попозже сбрею, не переживай! Разберёмся.

– С бородой на глаза ко мне не показывайся! Даже не вздумай! Через час созвон. Бай!

Зачем я сказал этот «бай», что со мной? То «О.К.», то «бай» какой-то...

Надо было выбраться отсюда! Надо ехать на эту чертову стройку. Я поднял руку, машина остановилась. Я заглянул внутрь. В машине было накурено, грязно и жарко. Ещё там за рулём сидел парень в кепке. «Плевать», – подумал я.

– На проспект Вернадского. И я тороплюсь!

Он молча кивнул. Я сел на сиденье, покрытое чехлом, имитирующим шкуру зебры. Белые полосы были серыми, как на тельняшке очень грязного матроса. В машине я увидел пару маленьких икон. Как только мы поехали, парень включил музыку. Ужасную музыку.

– Покажешь, как ехать! – перекрикивая музыку, спросил он.

– Останови, – сразу сказал я.

– Ну ты чё? Я же по-человечески спрашиваю, – очень спо-

койно сказал парень.

– Останови, говорю!

– Ну-у-у! – он остановился.

Я сразу вышел из машины и сильно хлопнул дверцей.

– По голове себе постучи, – открыв форточку, крикнул он мне.

– Машину вымой и сам помойся! Понял? И карту города...

– Да пошёл ты!.. – сказал он, не дослушав. Голос у него был сильный и спокойный. Он сорвался с места и уехал. Я ещё чего-то тьякнул ему вслед... И остался, как оплётанный. Как оплётанный чистоплюй. Хуже стало многократно!

Я пошёл к метро. Снег освежил ненадолго. Шея снова дала о себе знать.

«Надо хотя бы снять рубашку и очистить воротник от волос. Нельзя в начале дня ходить в парикмахерскую. Или надо ходить в салон, где научились уже не сыпать волосы за шиворот. Хватит экономить на таких вещах!!! – Было ясно, что нужно что-то сделать. – Рубашку новую купить, что ли?»

Но купить рубашку – это же целое дело. Только кажется, что это легко! На самом деле хороших рубашек так же мало, как... всего хорошего. Это же вещь, которая будет очень близко к телу!..

Оказывается, я давненько не был в метро. Да-а! В метро... Там не прекрасно и не ужасно. Там как в метро... Там как всегда.

Пока спускался по эскалатору, попытался собрать мысли в порядок. Надо было это сделать. А то что-то совсем стало худо. Тревога и раздражение... просто достигли своего предела. Мальчишка, лет пятнадцати, сильно толкнул меня плечом, пробегая мимо по эскалатору, а я схватил его, выругал и обидно отпихнул прочь. Зачем?! Ну, совсем уже нервы были никуда...

И тогда я пустился в размышления. Такие размышления, которые всегда помогали мне в моменты непонятной тревоги. Нужно было найти источник раздражения и просто его локализовать и осознать как таковой. И даже если нет возможности его устранить и исправить, всё равно становилось легче.

Значит, так: «Отчего же меня трясёт? А?! В целом всё более-менее нормально. У меня сейчас два объекта. На одном всё О.К.... Почему опять О.К.? Я что, герой-ковбой что ли? ... Надо избавляться от этих океев. Значит, на одном – всё в порядке, а на другом – лажа. С этим понятно! Обеспокоили мужик у окна, машина у подъезда и общее ощущение слезки. Но это просто ерунда. Какая слезка? За кем? Кто я такой, чтобы за мной следили? Хорошо! Теперь Макс. Макс?! А что Макс? Макс как Макс. Всё нормально. Машина? Ну а что с машиной? Завтра с утра позвоню, и мне скажут, что делать. Машина как раз таки чепуха! А что не чепуха? То, что дома бардак, и давно? Да! Это неприятно. Я это не люблю». Я люблю, чтобы всё было прибрано, чисто и поглажено.

Люблю, чтобы машина была вымыта и в ней не накапливался разный хлам, чтобы в багажнике лежали только необходимые вещи, а не было всяких коробок, пакетов, журналов, которые собирался три месяца назад кому-то отдать. Я люблю, когда мои книги и музыка в порядке, рабочий стол не завален, а в ящиках стола почти пусто. Я люблю выбрасывать разный хлам – открытки, которые дарили мне, или же те, что я собирался подарить сам и не подарил, визитные карточки тех, кого я не мог вспомнить, буклеты, газеты, путеводители по разным городам, где я побывал, и прочее, и прочее. Когда я выбрасываю хлам, мне становится легче жить. Когда я помою машину, она начинает лучше ездить, когда привожу в порядок обувь – улучшается здоровье. Но сейчас всё было в состоянии полного беспорядка. Даже в недоделанном ремонте может быть какая-то структура, но сейчас... везде висели рубашки, которые надо было стирать и гладить. Валялись книги, какие-то бумаги... в общем, всё! А ещё пыль... Машина тоже заросла. А в ванной комнате... Короче – ужас!

Я периодически находил тех, кто наводил порядок у меня дома. Это были домработницы или те женщины, что на какое-то время поселялись у меня. Но идеальный порядок мог навести только я сам. Я это делал... очень редко. Если не брил голову наголо, то наводил порядок дома. Сейчас очень хотелось навести порядок! Только сил не было совершенно.

«Хорошо, – подумал я дальше, – с беспорядком сейчас не справиться, это очень неприятно. Но понятно! Нечего так

нервничать из-за этого. В любом случае, дело поправимое. Беспокоит ли меня выходка Паскаля? Пожалуй, нет! Паскаль, скорее, мне помог. Я, по совести, не хотел этого заказа! С Паскалем всё в порядке, к тому же он хочет извиниться. Нормально с этим! А отчего же так хреново-то мне?! Рубашка и эти волосы? Да! Это серьёзно. С этим нужно срочно что-то делать. И она выключила телефон! Вот основной источник тревоги!!! Плохо мне! Плохо! Мне нужно услышать Её голос! Скорее! Немедленно!»

Я протолкнулся в вагон метро. Народу было много. «Это ещё и от зимней одежды, – мелькнуло в голове. – Летом будет легче. Летом всегда легче. Но к лету должно что-то измениться, иначе я до лета не доживу». Я прикрыл глаза и даже едва слышно простонал. Потом мои глаза открылись, и я увидел на уровне своих глаз головы людей.

Мы стояли, плотно прижавшись друг к другу. Головы покачивались, поезд быстро бежал по тоннелю. Я видел эти головы. Через окна в конце вагона был виден другой вагон. Там, казалось, люди качаются сильнее. А им, наверное, казалось наоборот. «Вот среди голов мотается моя голова, – подумал я. – А в этой голове творится такое! Если бы можно было улавливать приборами энергию каких-то переживаний, то мою голову можно было бы отследить из космоса. Её было бы видно даже сквозь землю, на такой глубине, где проложено метро. Мне, наверное, сейчас больнее всех. Не может быть много таких больных голов одновременно в одном ме-

сте. Не должно быть! Иначе провода погорят. Господи! Если бы мне удалось Её поцеловать, наверное, где-нибудь в Уругвае или Новой Зеландии взорвалась бы какая-нибудь электростанция. Мне нужно сесть. Немедленно сесть!»

Езды до нужной мне станции было минут двадцать пять без пересадки. Я очень хотел сесть, и когда место рядом освободилось, я решительно двинулся к нему и сел. Я видел, как к этому же месту устремилась пожилая полная женщина в пальто и мохеровом берете, под которым была причёска. В руке она держала большую сумку. Этой сумкой она раздвигала людей. Увидев мой маневр, тётка... (позвольте мне её так назвать) укоризненно покачала головой.

«Наплевать! – твёрдо решил я. – Не нравится мне эта тётка, не хочу уступать!» Я закрыл глаза, чтобы не видеть... никого чтобы не видеть.

– Как же не стыдно!! Чуть не убил тут всех, так кинулся, – сказала тётка. – И делает вид, что не видит никого. Ни стыда ни совести!

«Да пошла ты, зараза, – очень уверенно и спокойно подумал я. – Обязан я, что ли, тебе уступать место. С детства уступаю. Детство закончилось! К тому же тётка противная. Злобная тётка! Мне нужнее сейчас! Бесполезно! Буду сидеть, и всё!»

Я заставлял себя не думать об этом и не заводиться. Справа от меня стояли три парня. Я услышал их голоса и то, о чём они говорили. Говорили они громко, с сильным московским

выговором.

– Не буду я брать машину, какой мне интерес? – говорил один. Видимо, он старался не материться в людном месте, поэтому говорил как-то не бегло. – Толян не хочет мне машину давать просто так. Значит, мне её мыть, а потом вас возить. Вы бухать будете, а я...

– Да ты прикинь, машина нужна по-любому! Завтра утром заедем, купим всё... – говорил другой. – Сколько мы пива на себе унесём? На выходные не хватит! А там, в деревне, где ты будешь за пивом бегать по морозу? Сразу всё возьмем, и всё. Потом заедем за девками и поедем. Туда приехали – и бухай нормально! Весь день. А в воскресенье мы тоже пить не будем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.